

**О «КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» И «КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ»
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: «КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»**

В статье представлены анализ понятий «кочевая цивилизация» и «кочевая империя» и ряд признаков кочевой цивилизации. Кроме того, автор делает попытку определить ее место не только в этнополитической, но и культурной истории Евразии. Кочевые империи рассматриваются как восточно-азиатский феномен и признак наивысшего этапа развития кочевой цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, империя, «кочевая цивилизация», «кочевая империя», парадигма.

Причины истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать.

Марк Блок. Апология истории

Уже в конце прошлого столетия произошел весьма ощутимый и значимый сдвиг от реконструктивно-описательной истории к аналитической, что продиктовано было не только наличием дошедшего до критической массы исторического материала, но и безусловным кризисом прежних методологий и технологий исторического исследования. Одним из аспектов нового по характеру историософского интереса стало переосмысление таких традиционных дефиниций, как «цивилизация» и «империя». Дискуссии о них развернулись практически сразу не только среди историков, но и среди философов, социологов, экономистов, культурологов. Было сделано немало для реконструкции истории и понимания специфики многих евразийских цивилизаций. Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать не уровень развития того или иного общества, а определенный «мир» как пространственно-временной культурно-экономической континуум, у которого есть «своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть» [Шпенглер, 1923. С. 20].

Однако если история земледельческих «миров» уже не раз проходила через порожденные ею самой «фильтры» разнообразных

методологических систем, то история кочевников во многом еще находится на описательно-реконструктивной стадии. Они настолько отличаются от оседлых обществ, что вполне закономерно встает вопрос, а можем ли мы применять термины «кочевая цивилизация» и «кочевая империя» к их «ордам» и «бандам»¹.

В кочевниковедении наработан столь огромный материал в виде фактов и идей и отмечено столь значительное количество особенностей развития кочевого сообщества, не характерных как для земледельческих областей, так и для районов с присваивающей экономикой, что не видеть или игнорировать специфику развития и устройства обществ евразийского степного коридора уже невозможно. В историографии, однако, как справедливо отметил пионер идеи кочевой цивилизации в нашей стране А. И. Мартынов [1987; 1989; 1999; 2000;

¹ Здесь опускается обоснование применения самих терминов «цивилизация» и «империя», ибо это было сделано в других работах. Одна из них («К вопросу о терминах, применяемых и применимых к средневековой истории»), носящая общеметодологическое значение, должна выйти в материалах международного научно-практического симпозиума «Гуманитарные науки и образование в XXI веке», прошедшего в Кемерово 25–28 сентября 2008 г. Работа, посвященная «империи», вышла ранее [Пиков, 2000].

2003], взаимоотношения обществ оседлых цивилизаций и степной Евразии все еще не рассматривались как взаимодействие двух параллельно развивающихся миров. Это связано с тем, что оседлые общества – явление историческое, а степная Евразия, прежде всего, археологическое и, добавим, филологическое, т. е. описываемое все еще достаточно тенденциозно, в значительной степени на основе тех оценок, которые давали современники кочевой цивилизации.

Все же надо отметить, что идея кочевой цивилизации, пусть и медленно, чаще с приставкой «квази», с опровержением самой идеи, с указанием на то, что все еще не выработаны критерии для ее выделения, пробивает дорогу [Железняков, 2000; Кульпин, 2004; Буровский, 1995].

Кочевничество становится основным направлением хозяйственно-культурного развития евразийских племен, как минимум, с середины I тыс. до н. э. Выделение этой цивилизации вполне можно назвать степной революцией, которая имела не меньшее значение для человечества, чем городская или земледельческая. Кочевая цивилизация – это особый мир, отличающийся как от западной, так и от восточной цивилизации, а степной образ жизни такой же исторический феномен, как и городской, сельский, морской.

Можно выделить и цивилизационные или «мировые» признаки территории расселения кочевников.

Определенность территории. Она может быть локализована как совокупность степи и травянистой пустыни, лежащая во внутренней части Евразии и окаймленная с севера гигантским лесным массивом [Mackinder, 1904; Савицкий, 1992]. Чаще всего данная территория почти совпадает с аридной областью.

Определенность исторического периода. Кочевая цивилизация формировалась одновременно с другими (в основном первое тысячелетие до н. э.). В Восточной Азии «освободительная борьба» с «варварами» (гуннами, киданями, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами) завершилась лишь в начале прошлого столетия. Таким образом, «средневековый период» может быть обозначен и как время непосредственного взаимодействия двух цивилизационных зон (в Европе – «романского» и «германского» начал, в Восточной Азии – ханьского по

происхождению Китая и «кочевых империй» тюрко-монгольского ареала).

Эту классическую эпоху существования кочевой цивилизации можно разделить на три периода.

1. Гуннский (III в. до н. э. – V в. н. э.) – эпоха великого переселения народов, когда происходит изменение политической карты Великой Степи и сопредельных территорий (Китай, Индия, Европа), формирование новых этнокультурных сообществ.

2. Тюркский (VI–XII вв. н. э.) – тюркизация Центральной Азии, Степи, Южной Сибири.

3. Монгольский (XII–XIV вв.). Апогеем станет существование державы Чингисхана. В итоге сложится новая этническая и политическая карта.

К числу других фундаментальных признаков территории расселения кочевников можно отнести также следующие:

- стабильность и длительность существования данной цивилизационной зоны;
- уникальность исторического развития;
- этноцентризм, доходящий до представления о «избранности» народа и идеализирования своей территории;
- этнокультурная «гибридность». В зоне степей взаимодействуют различные субкультуры, и в результате рождается новый культурный синтез. Это мешает интенсификации культурных процессов, но дает возможность для формирования культурного плюрализма, поэтому у кочевников практически не наблюдается идейных споров, а камнем преткновения являются в основном практические проблемы;
- особый алгоритм социокультурной жизни – гетерономический²;
- самобытность и оригинальность культурных представлений и традиций и их близость;

² Слово «гетерономия» (от греч. *гетерос* – иной, и *номос* – закон) в данном случае используется для обозначения такой ситуации, при которой один субъект вынужден следовать нормам, особенно религиозным и правовым, установленным другим субъектом. Это *несамостоятельное* поведение, так или иначе механическое, в отличие от «автономии», допускающей и даже предписывающей обним субъектам наличие имманентных собственных закономерностей существования и развития. В результате различные племена и народы, как правило, объединяются вокруг одного «титального» этноса, что дает возможность маркировать «миры» и по этносу (арабский, китайский, франкский, индийский, тюркский, монгольский).

- этнокультурный экспансионизм, доходящий до навязывания своей цивилизационной парадигмы. Первая сторона этого процесса (широкое проникновение кочевых этносов на территорию оседлых обществ) очевидна, и она рассматривалась негативно, как уничтожение культуры бескультурными кочевниками. Тем не менее можно говорить и о значительном культурном экспансионизме кочевников, чему имеется много примеров.

Культурные процессы, происходившие в степной Азии, были не менее важны для всемирной истории, чем те, что происходили в оседлой зоне [Малявкин, 1982. С. 24]. Все крупные регионы (Европа, Ислам, Индия, Китай и Золотая Орда) во многом и благодаря кочевникам оказались интегрированными в единое геокультурное и макроэкономическое пространство. Кочевники активно участвовали в создании общих евразийских культурных ценностей, социальных институтов, активном освоении новых земель, влияли на темпы и направление развития многих народов и государств, участвовали в возникновении международных коммуникаций и ретрансляции созданной в культурных центрах информации. Одним из важнейших результатов конвергенции кочевых и оседлых обществ станет «подпитка» ислама одной из древнейших азиатских культур – тюркской.

XIII–XIV вв. стали особым «швом» в евразийской истории, и именно кочевники сыграли ключевую роль в создании новой геополитической конструкции Азии. Этот особо осязаемый вклад кочевников практически до сих пор оценивается исключительно негативно как разрушительный. Между тем передвижения кочевников являются всего лишь частью огромного евразийского, фактически «второго великого переселения народов». Для этой первой фазы складывания нового миропорядка характерны традиционные методы решения назревших проблем (внешняя экспансия, переселения). Необходимо было снятие прежней «феодальной» структуры общества, которая уже изживала себя сама. Об этом свидетельствует широкое распространение по всей Евразии городов, становящихся не только политическими или военными центрами, но и центрами ремесла и торговли. В Европе происходит выделение так называемой «католической» зоны, отличающейся акцентом

на развитии городской экономики, внешней торговли, «общественного полезного» научного знания и рационалистической философии. Азиатские цивилизации начинают экономическую переориентацию на океаны. Передвижения кочевников оказались наиболее эффективным средством окончательного снятия остатков родоплеменной арматуры. В итоге складывается новая, дошедшая до нас, этническая карта Евразии. В Европе наблюдается похожая картина, когда на смену прежним франкам, готам, кельтам и др. окончательно приходят французы, немцы, англичане, русские. Снята была насильственно и «героическая» феодальная верхушка, ориентированная на аграрную экономику и разбой. Налажены новые трансконтинентальные связи. Появилась и новая культурная карта. Кочевники во всех этих процессах играли не просто роль «дворников», но и участвовали в этническом, политическом и культурном структурировании пространства.

С XIII в. по всей Евразии разворачивается своего рода «культурная революция» в форме «возрождения» (европейские ренессансы, китайский ренессанс, средневосточное возрождение, кавказские и византийские ренессансы, «ренессансные явления» на Руси) и везде будет присутствовать некая антикочевая составляющая. Это и не удивительно: ведь мощный выплеск «бессловесной» кочевой массы, затопившей всю Азию, стал «вызовом» практически для всех оседлых цивилизаций. Надо было «навести порядок» после этого наводнения, и в этой деятельности явственно видна огромная и тяжелая работа не столько по фильтрации иной этнической массы, сколько по упорядочиванию достаточно бессистемно вброшенной идейно-культурной информации.

С монголов начинается этническая стадия формирования цивилизационного пространства будущей России. Сначала сложно соединились Южная Сибирь и Степь и сформировалась своеобразная «зона Чингисхана», где общность прослеживалась через него и его деяния. В религиозно-культурном плане здесь наблюдается большая пестрота (ислам, буддизм, шаманизм), но связующими факторами являются следование «пути отцов» и «духу Чингиса».

Медленно начинает складываться русско-татарский симбиоз. Русичи проникают в Степь (до Монголии), татары оседают на

Руси, и начинает оформляться единое экономическое и в какой-то степени культурное пространство.

Определенную роль в складывании российской цивилизационной зоны сыграла и культуuroобразующая идея «Москва – третий Рим», в которой можно проследить некоторое азиатское влияние. Здесь кроме следов новозаветного универсализма прослеживаются элементы характерного для Степи понимания того, что Бескрайнее Небо управляет всеми народами ойкумены. В результате появляется замечательная формула «Рим весь мир», одним из оснований которой является и то, что «вся христианская царства преидоша в конец»³. Фактически здесь можно увидеть заявление о том, что отныне «Рим» как оптимальная социокультурная модель возможен только за пределами той зоны, в рамках которой он родился и свершил до конца свой «жизненный путь».

Далее, в качестве существенных черт кочевой цивилизации можно отметить следующие:

- привлекательность «имиджа» для других народов, недаром во многих оседлых культурах даже существовал образ «благородного дикаря», общество которого чуждо наживы, социального неравенства, несправедливости, частной собственности и изоцированной культуры;

- умение «уживаться» с ними. Вероятно, есть смысл видеть в истории взаимоотношений кочевых и оседлых обществ не только «политику умиротворения» «воинственных варваров», но и сознательное стремление кочевых союзов к «добрососедским отношениям» с южанами;

- традиционализм. Традиции кочевников были не менее крепки, чем традиции оседлых обществ и играли, быть может, даже большую роль в общественной жизни. Налицо и тесная связь идеологии и психологии: идеология «рассыпана» в традициях, обычаях, языке, морали, способах мировосприятия и миропонимания;

- цивилизационный коллективизм. Кочевникам близок идеал с акцентом на идею максимально полного растворения человека в массе. Здесь на первом плане дихотомии «человек – человек» и «человек – общество»;

- специфический «мировой язык» [Пиков, 2003] как синтетический, впитывающий в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов и племен цивилизационной зоны. Примером тому может служить так называемый «киданьский» язык. Известно, что и монголы создавали свою письменность искусственно;

- своеобразие форм государственного и социального развития, связанное со сложной социальной структурой, имеющей «вертикальный» характер, где различные слои располагаются как бы друг над другом («феодалная лестница»), и с формированием властных элит, слоев населения, которые не связаны напрямую с сельскохозяйственной сферой;

- возможность складывания предельно централизованного государства и особая сила «верховой власти». Государство не является изобретением только оседлых обществ, оно – общецивилизационный феномен и такой же обязательный признак цивилизации, как и город, письменность, религия, язык. Если учитывать, что в рамках средневековья государство – прежде всего организующая и регулирующая сила, то государственные образования кочевников ни в чем не отличались от оседлых государств. Здесь тоже проявляется цивилизационная специфика: все они так или иначе были завязаны на вождя, существовала определенная пестрота государственных форм (существенный признак цивилизации – децентрализация). В кочевых империях впервые в рамках средневекового периода истории Евразии появляется постоянная армия, которая, например, при Ляо была объявлена «оплотом государства», а при монголах стала средством невиданной доселе экспансии;

- одним из отличительных признаков любой цивилизации была монархическая форма правления и особая роль правителя. Его «заветам», как, например, заветам Чингисхана, могли следовать очень длительное время. Со временем они теряли свою привязанность к определенной пространственно-временной точке и трансформировались из сложной парадигмы в систему морально-нравственных императивов. Так, от «закона Моисея» брались фактически только «десять заповедей», от «Ясы» Чингисхана – «дух великого предка»;

- весьма своеобразное отношение к миру, которое можно назвать «искусствен-

³ Послание Филофея в редакции второй половины XVI в. [Синицына, 1998. С. 352].

ным». Этот принцип находит свое выражение в постижении «воли Неба», долге как основе универсальной морали, цели истории как принятия «небесного порядка» и т. д. Любая «цивилизация» сама себя «строит» и этот признак, вероятно, следует признать центральным, ибо именно он дает возможность отличить цивилизацию от иных природно-климатических и хозяйственно-культурных зон (охотников – собирателей Австралии или арктических охотников и рыболовов), которые ориентируются не на интенсивную, производящую, а экстенсивную, присваивающую экономику; признаки территории расселения кочевников;

- специфический «религиозный» комплекс идей и рецептов, который объединяет и регулирует этнические и социальные группы и маркирует цивилизацию, отличая ее от соседей («Небо», как «начало» «избранности» того или иного народа). Религиозные представления кочевников были очень специфическими (это еще одна из особенностей их цивилизации). Кочевников обвиняли не только в том, что они не «доросли» до религии, но и в том, что они «искажали» любые мировые религии, а это еще одна цивилизационная особенность – фильтрация любой культурной информации, которая приходит извне;

- особое значение и оформление принимает взаимодействие различных этнических и социальных групп в цивилизации. Базовым здесь является представление об «избранном роде», а потом и «избранном народе»;

- специфика представления о сакральном и сверхъестественном «начале» («тэнгри» – «Небо»). Оно легло в основу особой религиозной системы («тэнгрианство»). Оформление ее было связано не только с естественной потребностью человека найти защиту от грозных природных сил, но и от нарождающихся социальных проблем (явный признак цивилизации);

- специфический аксиологический набор, как комплекс моральных норм, социальных рецептов и их обоснований. Специфика кочевой аксиологии в значительной мере связана с консервацией тех социально-нравственных норм, которые характерны для периода евразийской античности. Иными словами, средневековые кочевники как бы продолжали жить в бронзовом и железном веках. Более того, создается по-своему

уникальная ситуация. Кочевники жили динамично, отсюда и понимание Неба как вечного движения и беспредельности. Бескрайнее Небо, по их мнению, не только простирается над бескрайней Землей, но и управляет ею в любой ее точке. Именно это оправдывало претензии кочевников на их вмешательство в дела любых племен и народов и давало право на их покорение, причем не «словом», а «делом». С другой стороны, здесь можно увидеть одно из первоначальных оформлений идеи равенства всех народов – Небо покровительствует любому, а не только, скажем, ханьцу;

- особое представление об «истории»⁴, которое способствовало выводу полиэтничного и мультикультурного общества из ситуации противостояния культур периода «язычества» (столпотворения культур) в диалог, становясь необходимым дискурсом ответов. История вместе с географией помогала маркировать ойкумену как «мир», создать что-то вроде историко-культурного атласа;

- особое значение литературы и письменности. Культуру в целом можно назвать своеобразной программой достижения некоей «цели», а она определяется базовой идеей или «словом». У кочевников таким «словом» было «Небо». Именно оно стало «ядром» и отправной точки для разветвленной системы мифов, легенд и сказаний как «литературы», а впоследствии, на наивысшей стадии развития кочевой цивилизации, и письменных текстов (литература у киданей и чжурчжэней, «Сокровенное сказание»);

- особая роль и преимущественная ценность земли и др. Хозяйственная деятельность связана с преобладанием скотоводства. Налицо и характерная для средневековых цивилизаций идея землепользования, а не землевладения, когда все от имени Неба лишь распоряжались землей (хан, тысячники, дарханы, родоначальники), и это пользование регулировалась обычаями и традициями;

- система налогов и дани. Этот фактор связан с планированием, воспроизводством

⁴ Оно является одной из крупнейших и существеннейших характеристик цивилизации и, безусловно, плодом усложнения социального развития. Более подробно см.: [Пиков, 2002]. В применении к кочевым обществам, в частности к киданьскому, эта особенность тоже выделяется достаточно четко. См.: [Пиков, 2008].

отношений собственности, самой собственности, государственным аппаратом. Такая задача требует постоянного сбора, обработки и донесения до исполнителей огромного объема конкретной и точной информации, а в конечном итоге и появления письменности.

Разумеется, это далеко не полный список черт рассматриваемого цивилизационного феномена (см. также: [Мартынов, 2000]), определяющих специфику этнокультурного и социально-политического развития цивилизации, но он намеренно составлен таким образом, чтобы подчеркнуть в качестве маркеров не только экономические или природные факторы, но и комплекс традиций и идей.

Главным для маркирования цивилизации представляется выделить ее *парадигму*⁵ как алгоритм осмысления мира на основе определенных идей, взглядов и понятий⁶. Модель цивилизации можно выразить дробью, где в числителе находится парадигма, а в знаменателе эмпирические конструкции, прежде всего государство.

В любой цивилизации правомерно выделить две зоны – геополитическое «ядро» и этнокультурную периферию. Под «ядром» в данном случае подразумевается регион, характеризующийся относительной этнической, государственной, политической, экономической и культурной гомогенностью и стабильностью. «Периферией» следует считать располагающиеся вокруг этносы и субэтносы, развитие которых связано с близкими, но и несколько иными характеристиками (более низкий уровень или лежащая в основе иная экономика), и не отличается необходимой устойчивостью и однородностью. Но обязательной особенностью периферии является идейно-культурная и экономическая близость с центром. Самое яркое выражение эта модель нашла на «плечах» Евразии, в Европе и Китае, где в «центре» существовали империи («Средиземное море», «Срединное государство» в междуречье Хуанхэ и Янцзы), а на периферии – «варвары». В этих центрах зарождает-

ся и оформляется цивилизационная парадигма, и из этих «островов» она идет до границ периферии.

Границы культурной периферии неопределенны, границы же «ядра» достаточно четки. На Западе «ядерная» зона была ограничена пустынями, морями и «римскими валами», в Китае – морями, Гималаями и Великой стеной. Зона же влияния христианской культуры в средние века доходила до Урала, китайской – до берегов Северного Ледовитого океана⁷. Кочевая цивилизация находилась в «средиземье», т. е. между различными цивилизационными зонами – Сибирью [Томилов, 2000], Китаем, Средним Востоком, Византией, славянским миром и лишь отчасти христианско-европейским «рах»⁸ом.

Есть смысл обратить внимание и на то, что это промежуточное «средиземное» положение основной массы кочевых областей мешало их вхождению в какую-то одну цивилизационную зону и требовало формирования своей собственной более сложной и оригинальной культуры. Единство трех зон (Сибирь, кочевой коридор, южные оседлые цивилизации) невозможно в принципе. Выход один – быть неким проливом между урало-сибирской Сциллой и оседлой Харридой, образно говоря, дорогой, вдоль которой расположены различные «миры».

На протяжении нескольких тысячелетий межцивилизационную «почту» переносил конь – «автомобиль веков». Как «почтальоны» кочевники были нужны почти три тысячелетия. «Цивилизации» всегда нуждались друг в друге, подпитке своей парадигмы со стороны других культурных ценностей, и для всех нужна была общая картина «ойкумены», а не только своего «мира». До сих пор многие исследователи предпочитают говорить, что необходимо «для анализа особенностей развития кочевых обществ руководствоваться больше идеями диффузионизма, чем эволюционизма» [Бубенок, 2007], однако здесь налицо незаметная *ежедневная* культурная эстафета.

Если далее рассматривать последующую судьбу кочевой цивилизации, то на ее исчезновение повлияли, как минимум, два фактора: во-первых, экономический (сокра-

⁵ Слово происходит от греч. *Παράδειγμα* («пример, модель, образец») и получило широкое распространение в гуманитарной сфере, особенно с конца 60-х гг. XX в.

⁶ В применении к кочевникам можно говорить об особой роли таких понятий, как Небо, Правитель, Харизма, Долг и др.

⁷ Если сравнить с некоторыми современными представлениями о человеке, то можно говорить о «физическом теле» цивилизации и «астральном».

тила роль в кочевников экономике Евразии); во-вторых, культурный (когда оседлые цивилизации установили иные пути коммуникации, от «услуг» кочевников отказались).

Список литературы

Бубенок О. Корреляция социальных, этнических и хозяйственных факторов в кочевых обществах Евразии и Северной Африки (сравнительный анализ) // Международный конгресс востоковедов: Труды. М., 2007. Т. 1. С. 322–336.

Буровский А. М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3. С. 151–164.

Железняков А. С. Монголия в классических и современных схемах мировой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. 4.

Кульпин Э. С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 167–186.

Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) / Отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск, 1982.

Мартынов А. И. Два этапа развития степной скотоводческой цивилизации // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Материалы междунар. конф. Улан-Удэ, 2000. Т. 1. С. 80–84.

Мартынов А. И. Модель цивилизационного развития в степной Евразии // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003. С. 7–15.

Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н. э. // Взаимо-

действие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284–292.

Мартынов А. И. Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 1. С. 3–8.

Мартынов А. И. Первичные цивилизации и скифо-сибирский мир (система взаимоотношений) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 115–118.

Пиков Г. Г. Историописание в кочевых империях (X–XIII века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1. С. 24–34.

Пиков Г. Г. Киданьский язык как «искусственная» коммуникативная система // Шестые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 261–264.

Пиков Г. Г. Представление об истории в Новом Завете // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2002.

Пиков Г. Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 103–121.

Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

Томилов Н. А. Сибирская культурная провинция и ее место в российской и мировой цивилизациях // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Улан-Удэ, 2000. Т. 2. С. 339–347.

Шпенглер О. Закат Европы. М.; Пг., 1923.

Mackinder H. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. No. 23.

Материал поступил в редколлегию 29.09.2008

G. G. Pikov

ABOUT «A NOMADIC CIVILISATION» AND «NOMADIC EMPIRE». ARTICLE THE FIRST «THE NOMADIC CIVILISATION»

In article the analysis of concepts «a nomadic civilisation» and «nomadic empire» and a number of signs of a nomadic civilization is presented. Besides it the author is offered attempt to define it's place not only in ethnopolitical but also a cultural history of Eurasia. Nomadic empires are considered as the East Asian phenomenon and a sign of the highest stage of development of a nomadic civilisation.

Keywords: civilization, empire, «a nomadic civilisation», «nomadic empire», a paradigm.